

Глава 4

ЕВРЕИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Историческое освещение вопроса. — Евреи и война.

Много было сказано о той роли, которую евреи сыграли в революционном движении и в русской революции 1917 года. Мы думаем, нет оснований считать участие евреев в революции всегда и только революционизирующим фактором. Если в этой главе мы и касаемся так называемого еврейского вопроса и той остроты, которой он достиг к третьему году войны, то только в связи с тем, что это может объяснить широко распространившуюся, — как среди русских, так и среди нерусских евреев, — тенденцию считать падение царского режима магическим разрешением неразрешимой иначе проблемы. Значение упомянутой тенденции вполне выявилось на тех стадиях революции, которые в этой книге не исследуются. Тем не менее, следует рассмотреть еврейский вопрос, как он ставился накануне февральских дней, ибо это один из важных аспектов общей ситуации, предшествовавшей крушению императорской России.

§ 1. Историческое освещение вопроса.

Наличие в государстве граждан «второго сорта», которым по закону отказано в некоторых существенных правах, всегда имеет тенденцию стать вечной язвой внутренней политики. Эта болезнь злокачественна, ибо конфликт, создаваемый ею в обществе, все обостряется, а это, в свою очередь, ускоряет прогрессирование болезни. Даже там, где исходное неравенство не было результатом насильственного порабощения, вследствие военных захватов или колонизации, длительная дискриминация ведет к тому, что обездоленные стремятся к законному закреплению своих имущественных прав. Кроме того, явная несправедливость подрывает гражданскую лояльность ее жертв, раскалывает единство нации, а это, в свою очередь, используется как аргумент в пользу сохранения того самого зла, которое и было причиной конфликта.

История спорадических попыток русского государства разрешить т. н. «еврейский вопрос» — яркая иллюстрация этих трюизмов. Евреи не по собственному выбору стали в XVIII и XIX веке российскими подданными, не беженцами и не поселенцами пришли они в Россию. Да и у русского правительства никогда не было прямого намерения подчинить своей власти как можно больше евреев. В подавляющем большинстве случаев евреи стали российскими подданными в результате экспансии

государства на запад и включения в него украинских и литовских областей, а также в результате повторных разделов Польши. Русская администрация получала еврейские общины в том виде, как они веками сложились в этих районах. Существование евреев с местным населением и их отношения с властями основывались на официальном признании автономии еврейских общин в их внутренних делах. Первоначально не предполагалось, что евреи возьмут на себя те же обязанности, проявят ту же лояльность или потребуют тех же прав, что и другие граждане, и евреи к этому не стремились. В этом смысле они были иностранцами, присутствие которых терпели и санкционировали долгосрочными соглашениями, считавшимися выгодными как для государства, так и для еврейских общин. С такого рода взаимоотношениями русское государство уже было знакомо. Сходные отношения поддерживались в некоторых восточных и юго-восточных областях с небольшими группами инородцев, большей частью мусульман. Со временем эти меньшинства более или менее русифицировались, а никогда не исчезавшее традиционалистское ядро довольствовалось растительным существованием и большую часть своих автономных прав уступало петербургской или московской администрации. Растущее национальное оживление началось среди инородцев в XIX веке, но и оно ограничивалось небольшими группами интеллигентов, не встречая особенной поддержки в массах.

Еврейское меньшинство, которое русское государство, не желая того, включило в свой состав, носило совсем иной характер. У евреев глубокая приверженность национальным религиозным традициям соединялась с напряженным ожиданием событий, которые в корне изменят судьбу нации и оправдают страдания и жертвы, понесенные ради сохранения древнего наследия.

Ожидание искупления, которое, в отличие от христианского, будет не личным, но затронет весь еврейский народ — и, через него, судьбы мира, — давало предприимчивым и смелым моральное и идеологическое оправдание, чтобы порвать с душной, застоявшейся атмосферой гетто. В XVIII и XIX столетиях русское правительство, тоже традиционалистское и питающее неясные надежды на исторический апофеоз (вспомним крест, который виделся Достоевскому на Айя-Софии, и тому подобные историософские грезы), относилось к подобным побегам из еврейских общин чрезвычайно подозрительно. Оно всегда решительно не допускало еврейских поселенцев в чисто русские губернии, а в XVIII веке воздвигло барьер, известный под названием черты оседлости, за пределами которой евреи не могли проживать на законных основаниях.

Пределы черты оседлости и условия поселения были на протяжении всего этого периода различными, так же, как и правила, касающиеся неправоиспособности евреев, и колебались, подобно маятнику с ограниченной амплитудой колебаний. Были районы, в которых евреям разрешалось жить в городах, но не в деревне; районы, в которых они могли арендовать землю, но не владеть ею; им разрешалось открывать трактиры, даже в деревнях, причем у них могли неожиданно отобрать разрешение и средства к жизни; некоторое время еврейским ремесленникам было разрешено работать вне черты оседлости, но этой привилегии их лишили, когда выяснилось, что некоторые как бы ремесленники пользовались разрешением, чтобы вести небольшую торговлю или другую посредническую деятельность. В общем политика русского правительства заключалась в том, чтобы давать имущим и брать у неимущих. К примеру, еврейские дельцы, сумевшие стать купцами первой гильдии, т.е. владевшие крупными средствами, могли жить в любой части империи. Некоторые из них скопили огромные состояния и стали играть важную роль в экономической жизни страны (например, Поляков, Гинзбург, Бродский, Зайцев и другие). Свобода поселения распространялась также и на получивших высшее образование: на адвокатов, врачей, ветеринаров и т.п. Известные артисты также относились к этой категории.

К концу XIX века участие евреев в культурной жизни России стало значительным, и все же ограничения оставались в силе даже для тех, на кого не распространялся закон о черте оседлости. Еврей не мог состоять на государственной службе, хотя государство так или иначе пользовалось услугами многих евреев. Еврей не мог стать офицером русской армии, хотя евреи несли воинскую повинность на тех же условиях, что и остальные подданные царя. Прием в государственные средние школы и высшие учебные заведения ограничивался известной процентной нормой. Не могли заключаться браки между православными и лицами иудейского (или любого другого нехристианского) вероисповедания. Еврей мог быть присяжным поверенным, но не мог быть нотариусом. Ни одно из этих правил не было непреложным: евреям-врачам иногда разрешалось служить в армии; иногда евреям разрешалось преподавать в художественных школах и т.д.

Но само применение ограничительного законодательства, как бы ни было оно снисходительно, было злом. Ограничения направляли деятельность и стремления предприимчивых и энергичных людей на все еще открытые для них поприща, особенно в торговле. Это создало то, что называлось еврейской монополией в некоторых отраслях торговли (лесопроизводство, экспорт пшеницы, биржевая деятельность). Это, в свою очередь, раздражало русское население и вело к

требованиям дальнейших юридических ограничений или к ограничивающей полицейской практике. Другими словами, само наличие граждан различного законного статуса неизбежно влекло за собой увеличение противозаконных действий со стороны администрации.

Замечательно, что к единственному шагу, который разрешал вопрос в любом отдельном случае, а именно к переходу если и не в православие, то в одно из христианских исповеданий, прибегали очень редко. Мы не должны забывать, что определение «еврей» во всех правилах и законах, устанавливающих неправопособность, относилось к лицу «иудейского вероисповедания». Почему же, в таком случае, переход был столь редок? Вековое рассеяние научило иудаизм определенным методам борьбы с отступничеством. Каждый религиозный еврей воспитывался в убеждении, что, «отказавшись от веры отцов», он не только потеряет собственную душу, но нанесет непоправимый вред семье и общине, которую покинет. Он и его потомки будут прокляты, и всякая связь между ним, его семьей, друзьями и общиной будет прервана навеки. Отец, отказавшийся порвать с дочерью, перешедшей в христианство, как правило, не мог продолжать жить среди своих единоверцев, как бы уважаем и влиятелен он ни был. Поэтому как бы ни сильна была среди образованных евреев тяга к ассимиляции, как бы ни была слаба их связь с семьей и общиной, в этих условиях оставалась все же некая грань, мешавшая им порвать с иудаизмом. Ее можно было нарушить только при циничном отрицании любых религиозных ценностей, либо при искреннем изменении религиозных убеждений, и притом достаточно сильном, чтобы перевесить трепетный страх перед запретом и внушенную с детства духовность заменить духовностью новой веры. Вне этого условия переход в другую веру был психологически немыслим даже для тех евреев, которые вполне прониклись русской культурой, особенно ее литературой и поэзией, которые ведь сами по себе глубоко укоренены в христианской традиции.

Трудно было ждать, что люди, порвавшие все связи с религиозной еврейской общиной, помимо связи чисто формальной, примут господствовавшую концепцию государства, т. е. концепцию теократической монархии, тем более что либерализм и радикализм русской интеллигенции давали основания надеяться, что на смену этой концепции явится идея общей свободы, т. е. представительного правительства, не связанного религиозной идеей. Либеральные и радикальные круги были рады получить подкрепление со стороны еврейского лагеря в борьбе против самодержавия и не требовали, чтобы евреи принимали трудное решение о переходе в другую веру. В партии кадетов, в юриспруденции, среди коллег-врачей евреи в России могли

чувствовать себя частью движения, под которым они безоговорочно подписывались. И все же этот путь был открыт сравнительно немногим, тем, кто в силу исключительных личных способностей или богатства и влияния семьи просачивался в щель процентной нормы. В большинстве своем это были смелые и образованные люди. Не только трогательна, но и заслуживает восхищения их выдержка в условиях постоянного вызова, памяти о перенесенных в детстве унижениях, в условиях давления со стороны менее удачливых собратьев. Многие из них (Пасманик, Слиозберг, Винавер и др.) оставили нам непредвзятые и много объясняющие воспоминания о своей жизни и тяжелой ломке, через которую им пришлось пройти. Несмотря на крах русского либерализма, их преданность идеалам русской интеллигенции не поколебалась. Вряд ли кто-нибудь из них предпочел бы подсоветское существование жизни белой политической эмиграции. Некоторые из них даже приняли участие в борьбе белых армий против большевиков, несмотря на то, что антисемитские эксцессы были не редкостью в районах, контролируемых белыми.

Но, как уже говорилось, ассимиляция, слияние с русской радикальной средой были уделом немногих, избранных. Вырвавшийся из гетто мятежник естественно шел в революцию. Достоин внимания, однако, что сравнительно мало евреев, участвовавших в подпольной деятельности начала века, присоединилось к террористам-эсерам. В основном это были социал-демократы, преимущественно меньшевики. Тому, возможно, есть много причин, из которых две — идеологическая и социальная — очевидны. Марксизм давал в руки теорию радикального переустройства общества, не вовсе чуждую традиционному еврейскому мессианизму, но при этом претендовал на научность. Марксизм обещал общество, которое порвет с христианством, и потому ассимиляция евреев осуществится легче и полнее, чем при существующем общественно-политическом строе, самый язык которого пропитан христианской традицией. Кроме идеологической притягательности, в социал-демократии была для еврея-бунтовщика и практическая притягательность. Организация рабочих и использование забастовок как орудия для улучшения их положения впервые в Российской Империи были испробованы в черте оседлости, на предприятиях, которые принадлежали евреям и где работали еврейские рабочие. Опыт и традиции еврейских социал-демократов, организовавших Бунд, вбирались, часто вместе с пропагандистами и организаторами, русским социал-демократическим движением¹. Довольно скоро бундовцы разошлись с большевиками, т. к. Бунд претендовал на исключительное право организации еврейских рабочих в России. Однако меньшевики впоследствии поддерживали тесную связь с Бундом и именно у

него переняли тактику, которая должна была заменить террор и восстание как главные орудия классовой борьбы. По этому пункту меньшевики вновь резко столкнулись с ленинской фракцией, обвинявшей их в «ликвидаторстве» и предательстве интересов рабочего класса и великого принципа социального прогресса, осуществляемого революцией.

Совершенно естественно, эмансипированное еврейство влекла революция, правительство же считало это проявлением глубоко укоренившейся в еврейском характере тяги к разрушению. 1905 год с очевидностью показал роль евреев в качестве пропагандистов и организаторов революционных партий, и правительство стало понимать, что надо как-то нейтрализовать революционизирующее влияние евреев. Столыпин пытался подойти к вопросу с государственных позиций. Он планировал упразднение ограничительного антиеврейского законодательства, но встретил оппозицию со стороны царя. Было ясно, что Николай II смотрит на еврейский вопрос не как на проблему социальную, а скорее как на проблему чисто полицейскую. Если евреи бунтуют, то, стало быть, надо их усмирить, положив пределы их деятельности. То соображение, что ограничение само по себе есть причина взрыва, казалось вывертом мысли, который нечего обсуждать. Сверх того, так называемые патриотические организации, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и Союз двуглавого орла, провозгласили себя водителями народа в крестовом походе против революции и еврейского засилья. Этот «крестовый поход» быстро принял традиционные погромные формы. Потворство правительства и местных властей погромам могло быть преувеличено, как евреями, так и радикальной русской интеллигенцией, хватавшейся за любую возможность, чтобы выставить беззакония и произвол администрации. Однако и царское правительство невозможно в этом случае защищать. Оно живо поддерживало так называемые «стихийные патриотические организации» и было, таким образом, ответственно за совершаемые ими эксцессы.

Уверенность в том, что антисемитизм в своей наиболее предосудительной форме внушался главным образом правительством, заставляла либеральную и радикальную интеллигенцию считать, что по упразднении Правительственных ограничений и с введением «равноправия евреев» еврейский вопрос будет разрешен и антисемитизм исчезнет. Потребовался опыт гитлеризма, и даже более того, новые свидетельства об антисемитизме в самом Советском Союзе, чтобы показать, что формальное, юридическое равенство, даже спустя долгое время, не устранит самых коварных и социально опасных форм антисемитизма. Но в начале этого столетия радикальная и либеральная интеллигенция считала, что проблему можно разрешить

простым упразднением ограничений в отношении евреев, и не замедлила возвести ответственность за все антисемитские эксцессы на правительство и администрацию.

§ 2. Евреи и война.

Таким образом, нет оснований считать, что решение еврейского вопроса завело в тупик начало войны, или что решение его могла принести только революция. Расширение законных гарантий свободы личности, казалось, обещало убьить бюрократического произвола и беззаконий. Несмотря на противодействующее влияние сионизма, быстро шла ассимиляция образованного еврейства и его слияние с русской интеллигенцией. Оплот антисемитизма, так называемые патриотические союзы, был к тому времени дискредитирован как в глазах правительства, так и в глазах общества, хотя и по разным причинам. Либеральная интеллигенция признала необходимость бороться с антисемитизмом путем просвещения, как, например, делал это Короленко. Однако благотворное влияние всех этих факторов одним махом снесла бессмысленная и порочная политика военной администрации по отношению к евреям прифронтовых областей.

Верноподданнические заявления еврейских представителей в начале войны вполне соответствовали патриотическому подъему и призывам к национальному единству, которые раздавались по всей империи. Не было никаких указаний на брожение среди евреев во время мобилизации, представители еврейских общин настойчиво просили о приеме повсюду, где появлялся государь, крупные пожертвования еврейских общин на госпитали и Красный Крест были всем известны. Однако все те, кто сознавал степень отчужденности евреев от государства, в котором они были гражданами второго сорта, естественно, сомневались в искренности этих проявлений лояльности.

Известные действия немецкого еврейства не могли в то время не вызвать подозрений в отношении евреев западных губерний. Сионисты Германии не только объявили, что всецело поддерживают центральные державы, но один из них, финансист Боденхеймер, опираясь как на сионистов, так и на не-сионистов, при поддержке германского министерства иностранных дел, организовал «комитет по освобождению русских евреев». Задача комитета заключалась в том, чтобы подорвать лояльность евреев черты оседлости по отношению к России и внушить им мысль о привлекательности германской победы. На горе себе Боденхеймер связался с политическим отделом германского генерального штаба, который в это время

возглавлял граф Хюттен-Чапски. Идея германско-еврейского сотрудничества просуществовала недолго. После битвы на Марне, похоронившей надежды на «блицкриг», немецкие евреи с меньшим энтузиазмом стремились обеспечить Германии союзника в лице русских евреев. В декабре 1914 года международный съезд сионистов в Копенгагене требовал от сионистов всех воюющих стран не компрометировать движение присоединением к одному из воюющих лагерей. Но вред, нанесенный первыми неделями войны, был налицо. Поток пропаганды «комитета по освобождению» был направлен на еврейское население России. В условиях войны лишь небольшая часть этой пропаганды достигла цели, хотя она и имела некоторое действие среди галицийских евреев, так как тут легче было распространить брошюры боденхеймеровского комитета. Политический отдел германского генерального штаба дошел до того, что подготовил призыв к евреям России восстать с оружием в руках и ударить по тылам русской армии. Даже Боденхеймер понимал, сколь ужасны могли быть последствия такого призыва для русского еврейства, и в конце концов он был выпущен германским и австрийским верховными главнокомандованиями в более умеренной редакции. Тем не менее этого было более чем достаточно, чтобы встревожить русские военные власти. Русским войскам были разосланы предостережения в связи с опасностью сбора еврейским населением информации о передвижении войск в их городах и деревнях. Когда такие инструкции получали антисемитски настроенные офицеры или традиционно задиравшие евреев казаки, это вело к выявлению большого числа еврейских «шпионов», наблюдавших проезд батареи или кавалерийского отряда. Их хватали, предавали военному суду и вешали.

Частые донесения о таких инцидентах укрепляли патологическую подозрительность начальника штаба Янушкевича касательно всеобщей нелояльности еврейского населения Польши, Галиции и Буковины². Эти подозрения, в свою очередь, вели к массовой высылке евреев из обширных прифронтовых районов весной и летом 1915 года. Позднее, когда в некоторых случаях высылка отменялась, была введена система заложников. Заложники отвечали за любую выдачу евреями русских граждан в районах, захваченных германской армией. Эта мера создавала меньше трудностей для администрации внутри России, чем массовая высылка, но еще сильнее ожесточала евреев³.

Массовые высылки были наиболее трагичным последствием кампании 1915 года, которую военный министр Поливанов описывал с горькой иронией как «эвакуационно-беженский период военных действий». Подводя итог обсуждению вопроса о беженцах в Совете министров, А.М. Яхонтов приводит точку зрения

нескольких министров. Стратегия выжженной земли, на обширных территориях проводившаяся Ставкой, стратегия, которой правительство бессильно было противостоять, наряду с поражениями на фронте, углубляла развал внутри России⁴. В потоке беженцев министры выделяли три главных категории:

Во-первых, евреи, которых, вопреки неоднократным указаниям Совета министров, поголовно гонят нагайками из прифронтовой полосы, обвиняя их всех, без разбора, в шпионаже, сигнализации и иных способах пособничества врагу. Конечно, вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенною; положение усложняется еще тем, что местные жители, без того все тяжелее испытывающие бремя военных невзгод, встречают голодных и бездомных евреев далеко не дружелюбно. Во-вторых, служебный персонал гражданских и тыловых военных учреждений с десятками вагонов грузов; в то время, как десятки тысяч народа плетутся пешком около железнодорожного полотна, мимо них проходят поезда, нагруженные диванами из офицерских собраний и разным хламом, включительно до клеток с канарейками птицелюбивых интендантов. В-третьих, добровольные беженцы, в большинстве случаев гонимые слухами о необычайных зверствах и насилиях, чинимых немцами... Людей отрывают от родных гнезд, давая на сборы несколько часов, и гонят в неведомую даль. У них же на глазах поджигаются остающиеся запасы, а нередко и самые избы. Легко понять психологию таких принудительных беженцев... И вся эта сбитая с толку, раздраженная, измученная толпа сплошным потоком катится по всем путям, мешая военным передвижениям и внося в тыловую жизнь полнейший беспорядок. Тащатся с нею повозки с домашним скарбом, бредет скот... Люди сотнями мрут от голода, холода, болезней. Детская смертность достигает ужасающих размеров. По сторонам дорог валяются непогребенные трупы и т.д. и т.п.

Через несколько дней, 4 августа 1915 года, на заседании Совета министров вновь оплакивали положение беженцев, на этот раз особо упомянув о евреях. Подробно остановившись на условиях, в которых проводится принудительная эвакуация, Яхонтов дает на основании сделанных несколькими министрами докладов общую картину:

Со времени развития нашего отступления Совету министров неоднократно приходилось сталкиваться с вопросом о евреях. В Ставке сложилось убеждение, что еврейское население на театре войны является средоточием шпионажа и

пособничества неприятелю. Отсюда возникла мысль о необходимости очищать прифронтовую полосу от евреев. Применение этой меры началось в Галиции. Тыловые власти стали высылать тысячи и десятки тысяч австрийских евреев во внутренние русские губернии. Производилось это, конечно, не добровольно, а насильственно. Евреи изгонялись поголовно, без различия пола и возраста. В общую массу включались и больные, и увечные, и даже беременные женщины. Слухи об этой мере и сопровождавших ее насилиях тогда же распространились как в России, так и за границей. Влиятельное еврейство подняло тревогу. Союзные правительства начали протестовать против подобной политики и указывать на опасные ее последствия. Министерство финансов почувствовало различные затруднения в проведении финансовых операций. Совет министров неоднократно, как в письменной форме, так и в порядке устных сношений через председателя и отдельных министров обращал внимание Верховного Главнокомандующего и генерала Янушкевича на необходимость отказаться от преследований еврейской массы и огульного обвинения ее в измене, поясняя, что этого требуют как внутренние, так и международные соображения. Однако, Ставка оставалась глухой на всякие доказательства и убеждения. Напротив, когда наше отступление повлекло за собой очистку уже русских губерний, то сначала в Курляндии, а затем и в других местностях, принудительное еврейское переселение выполнялось в массовых размерах особо для этого назначаемыми воинскими отрядами. Что творилось во время этих эвакуации — неопишимо. Даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте. В конце концов, в тех входивших в черту оседлости губерниях, куда выдворялись гонимые военными властями беженцы, становилось невыносимым жить не только пришлому разоренному люду, но и самому коренному населению. Обострились всевозможные кризисы — продовольственные, квартирные и прочие. Появились заразные болезни. На местах настроение принимало все более тревожный характер; евреи озлоблены на всех и на вся, а жители на непрощенных гостей, к тому же объявленных предателями и изменниками, и на порядки, при которых существовать у себя дома становится невозможным. Еврейская интеллигенция и объединенные с нею русские общественные круги возмущены до крайней степени; печать, думские фракции, различные организации, отдельные видные представители русского еврейства требуют от правительства решительных шагов для прекращения массовых преследований.

В союзных странах, и особенно в Америке, раздаются горячие призывы помочь страждущим в России евреям, собираются митинги протеста против племенного утеснения и т. д. Последствия этого движения — возрастающие препятствия в получении кредитов и на внутренних, и на иностранных рынках.

В этой угрожающей атмосфере министр внутренних дел князь Щербатов настаивал на том, чтобы Совет министров принял немедленные меры для исправления положения:

Наши усилия вразумить Ставку остаются тщетными. Все доступные нам способы борьбы с предвзятыми тенденциями исчерпаны. Мы все вместе и каждый в отдельности неоднократно и говорили, и писали, и просили, и жаловались. Но всемогущий Янушкевич считает для него необязательными общегосударственные соображения. В его планы входит поддерживать в армии предубеждение против всех вообще евреев и выставлять их как виновников неудач на фронте. Такая политика приносит свои плоды, и в армии растут погромные настроения. Не хочется этого говорить, но мы здесь в своей среде, и я не скрою подозрения, что для Янушкевича евреи едва ли не являются одним из алиби.

Еще раз подробно остановившись на ужасах принудительной высылки, Щербатов отметил, что высылка угрожает усилить революционное настроение среди евреев. Но главным доводом в пользу практических мер для облегчения страданий беженцев были трудности, с которыми встретилось правительство при получении кредитов в стране и за границей. Щербатов предлагал снять запрет с поселения евреев во всех городках и городах империи. Предложение предоставить евреям свободу передвижения ограничивалось городскими центрами из-за антисемитизма местного сельского населения, который правительство не могло контролировать. Но даже это предложение казалось слишком радикальным военному министру Поливанову, утверждавшему, что селить евреев в городах с казацким населением слишком опасно: это могло привести к волне погромов. Наконец, разумное предложение Щербатова было принято кабинетом, голосовал против министр путей сообщения Рухлов. Кривошеин пытался придать оттенок торжественности принятию предложения Щербатова: он сослался на разговор, который однажды имел спокойным графом Витте. Витте сказал Кривошеину, что «предоставление евреям права свободного жительства в городах по всей империи равносильно разрешению еврейского вопроса». Впечатление

от вмешательства Кривошеина было несколько испорчено цинической шуткой государственного контролера Харитонова. Он поинтересовался, не ожидают ли министры затруднений с полицией: новая проеврейская мера лишит приставов и околоточных хорошего дохода. Они могут устроить забастовку протеста против «насилий над ними правительства или же произведут погромчики для доказательства несоответствия принятой меры желаниям истинно русских людей».

Решение Совета министров могло облегчить напряжение, испытываемое местной администрацией в районах приема беженцев, разделив тяготы между всеми русскими городами, вместо того, чтобы обрушивать их лишь на несколько городов в черте оседлости. Оно могло бы также несколько облегчить страдания самих эвакуированных. Но это решение не могло уменьшить чувство невыносимой горечи, испытываемое евреями по отношению к режиму, который так поступил с ними. Все знали, что даже это частичное облегчение было вырвано у правительства угрозой финансового бойкота. Горечь и негодование привели к росту революционных настроений, и правительство понимало это. Но было совершенно ясно, что как бы сильны ни были эти настроения, они не могли иметь прямого воздействия на революционные события 1917 года. Еврейские беженцы представляли собой слишком притесняемую и отчужденную группу, чтобы оказывать какое бы то ни было политическое влияние. И все же эти настроения привели к величайшим последствиям для дальнейшего развития революции в России. Для миллионов русских евреев революция с ее лозунгом «равенства всех русских граждан перед законом» явилась освобождением в момент величайшей опасности физическому и моральному существованию еврейского народа — чудесным спасением от смертельной опасности, подобным Исходу. Как и всякому чуду, этому трудно было поверить, даже когда чудо произошло. Страх, что оно может не произойти, что завтра они проснутся и увидят, что старый порядок восстановлен, естественно, обуревал многих бывших беженцев. Этот страх был полуосознанно, но твердо связан с ощущением, что контрреволюция может исходить от армии, пока в ней еще живы старые традиции и пока лица, осуществлявшие бесчеловечные решения полусумасшедшего Янушкевича, все еще занимают командные посты. Такое отношение объясняет энтузиазм и подъем, с которым еврейская интеллигенция и полуинтеллигенция приветствовала революцию и бросилась вместе с левыми защищать «завоевания революции». Вот почему множество евреев предлагало свои услуги в качестве «советских служащих» советскому режиму в годы гражданской войны и реконструкции. Те же сложные психологические предпосылки объясняют распад еврейско-большевистского сотрудничества и возврат

коммунистической власти к антисемитской практике, которая существует, несмотря на то, что ее официально отрицают. «Партия и правительство» или, скорее, следующие один за другим самодержавные правители, которым принадлежат объединенные функции партии и правительства, никогда не испытывали особого доверия к политической лояльности евреев, которая покоилась не на врожденной близости евреев к большевизму, а на инстинкте национального самосохранения, к которому коммунистическая идеология не проявляет ни интереса, ни симпатии.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

¹ Н. Shukman. Relations between the Jewish Bund and the RSDRP. 1897–1903. Диссертация на соискание докторской степени. Oxford, 1961. (Не опубликована).

² См. подборку документов о преследовании евреев во время войны в АРР XIX.

³ В патетическом протесте против захвата заложников евреи города Вилькомир писали главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта: «Мы беспредельно опечалены истребованием заложников, косвенное признание усердно распространяемого злоумышленниками огульного обвинения евреев в предательстве, несмотря на то, что, как только оно подвергается должному судебному расследованию, его несостоятельность всегда почти выступала с полной ясностью. Твердая уверенность в отсутствии еврейской измены не избавляет нас от страха злостной провокации, ложных доносов лжесвидетельствовавших врагов, могущих ввести скорый полевой суд в заблуждение, коего следствие может оказаться гибельным для заложников... Карайте каждого из нас, если окажется виновным, со всей строгостью законов военного времени, но не заставляйте нас подвергать ни в чем неповинных единоверцев серьезной опасности, грозящей заложникам со стороны врагов еврейства». АРР, XIX, стр. 257.

Евреи Вилькомира, упоминая о судебном расследовании вопроса об измене евреев, имели в виду случаи, подобные мариампольскому делу. Евреи этого города были обвинены в содействии немцам после ухода из города русских войск в 1914 году. Благодаря вмешательству писателя Короленко и защите Грузенберга дело было закрыто и все обвиняемые освобождены. См.: О. Грузенберг. Вчера. Париж, 1936, стр. 89–95.

⁴ См. АРР, XVIII, стр. 32 и далее. О Яхонтове и его записках см. гл. 7, § 1.